©ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 21, 2013

Татьяна Щитцова

Негативная диалектика освобождения: философия в Беларуси после 1991 года

Для того, чтобы охарактеризовать положение философии в Беларуси, необходимо принять во внимание три разных контекста социальных трансформаций, каждый из которых в равной степени значим для нашей страны: глобальный, региональный (постсоветский) и локальный (национальный). При этом напряженность вопроса о положении философии обусловлена тем, что каждый из названных контекстов отмечен особым *кризисным* дискурсом в отношении философии. На глобальном уровне кризисное положение философии – это тема, которая обсуждается в сущностной связи с радикальной трансформацией идеи университета, с одной стороны, и кризисом гуманитарных наук в целом, с другой. На повестке дня – культурная логика, которая заставляет избавляться от традиций, практик и типов знания, которые per definitionem не переводимы на язык рыночных отношений. В этом контексте кризис философии понимается как проблематизация ее институционального и символического статуса вследствие повсеместного превалирования *утилитарных ценностей.* Такого рода проблематизация дополняется и осложняется в свою очередь необходимостью эпистемологического переосмысления (переопределения) философии, вынужденной отказаться от своих прежних фундаменталистских притязаний.

На региональном уровне речь идет о кризисе философии, вызванном крахом советской системы. Здесь тоже имеет место проблематизация институционального и символического статуса философии, но на этот раз вследствие ее скомпрометированности идеологическим прошлым. Кризис переживается в этой связи как вызов, требующий определиться с новыми путями и стратегиями производства знания. Сегодня, 21 год спустя, мы не можем сказать, что "советское прошлое" больше не влияет на положение дел в философии – слишком велика инерция определенных институциональных традиций!

Вместе с тем можно констатировать, что перспективы развития постсоветской философии зависели от фактического потенциала, которым обладали локальные академические сообщества. Под фактическим потенциалом я имею в виду не только наличие квалифицированных специалистов, но и возможность ре-

актуализации философии *как* элемента национального самосознания. На локальном уровне кризисное положение беларусской философии определяется в этой связи не просто дефицитом такого рода ресурсов и возможностей, но особой контрпродуктивной диспозицией (расстановкой) интеллектуальных сил, обусловленной прежде всего тем фактом, что задача национального самоопределения в силу известных причин была отсрочена.

Каждый из названных контекстов заслуживает отдельного анализа. Вместе с тем *специфика нашей интеллектуальной ситуации определяется сложным взаимодействием всех трех контекстов,* очертить которое я и постараюсь в данной работе. В целом, попытка взглянуть на нашу интеллектуальную ситуацию с точки зрения наложения различных кризисных дискурсов представляется перспективной в силу, как минимум, двух причин. Во-первых, такая исследовательская оптика имплицитно содержит в себе ориентирующий в будущее практический императив, требующий определенных "антикризисных решений". Во-вторых, сама логика такого комплексного анализа соответствует известному социально-теоретическому принципу множественности модерностей; это означает, что оценка нашей ситуации и вытекающие из этой оценки практические рекомендации не будут скованы старой одномерной парадигмой наверстывания, или догоняющей модернизации.

Итак, нас будут интересовать те эффекты наложения кризисных контекстов, которые и составляют своеобразие нашей интеллектуальной ситуации. Рискну утверждать, что после распада СССР философия в Беларуси оказалась вовлечена в такие процессы академической и социальной переориентации, взаимосвязь и динамика которых позволяют говорить о своего рода *негативной диалектике освобождения.* Под освобождением я понимаю в данном случае деидеологизацию, означавшую для философии возможность "возвращения к самой себе" – в том смысле, что она снова могла являть себя как любовь к мудрости, а не к партии и построенной ею государственной системе.

Оставшись без идеологического обрамления, философия в Беларуси столкнулась прежде всего с такой экзистенциальной проблемой, как *дефицит символического капитала* – проблемой, которая остается актуальной и сегодня.[1]

Под символическим капиталом я понимаю научное и социальное признание результатов философской работы. Эти два аспекта признания высвечивают две взаимосвязанные роли, которые выполняет философия: она является особой сферой производства знания и одновременно – значимым элементом гражданского общества. Обретение призна-

[1] Способы компенсировать этот дефицит могут быть самым разными – например, риторическое самовнушение в духе названия сборника: Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры (2011).

ния – "обрастание" символическим капиталом – предполагало восстановление (реабилитацию) эпистемологической идентичности философии и одновременно – переустановление ее связей с жизненным миром, то есть реинтегрирование на новых условиях в социокультурное пространство *пост*советской Беларуси.

Такого рода задачи могли, конечно, восприниматься (и многими действительно воспринимались) энтузиастически, поскольку наделяли обретенную свободу мысли конкретной креативно-конструктивной миссией. На волне этого подъема, как известно, стали появляться самые разные инициативы и проекты (исследовательские и образовательные, институциональные и издательские), которые, однако, по мере их накопления, *не столько решали обозначенные задачи, сколько все больше и больше выявляли их проблематичность.*

Было бы ошибочным списывать такого рода пробуксовывание единственно на счет дефицита квалифицированных специалистов в области философии. Вопрос мне видится более сложным. Причины хронической неубедительности самых разных интеллектуальных, а также организационных усилий по продвижению "философского дела" в нашей стране кроются в том числе в заявленном ранее наложении трех кризисных контекстов.

Когда наше локальное академическое сообщество столкнулось с необходимостью *восстановления* эпистемологической идентичности философии после длительной эпохи ее идеологического искажения, на глобальном уровне разворачивались дискуссии, касающиеся необходимости *переосмысления* статуса и специфики философии как научного предприятия. Эта задача по трансформации самого философского этоса была вызвана, с одной стороны, критикой фундаменталитстких притязаний классической философии (критикой метафизики – в широком смысле слова), с другой стороны – парадигматическими сдвигами в социогуманитарном знании, которые привели к возникновению новых областей и объектов исследования, требовавших принципиально нового режима междисциплинарного взаимодействия. Вместо прежней практики спорадического горизонтального "взаимоопыления" между дисциплинами речь теперь шла о мультидисциплинарных исследованиях, предполагавших специфическую трансдисциплинарную оптику. Наиболее известные примеры в этой связи: постколониальные исследования, гендерные исследования, современная урбанистика. Другими словами, в плане проблематизации философии как способа производства знания глобальный контекст звучал *контрапунктом* по отношению к актуальным запросам постсоветской кризисной ситуации. Поскольку этот международный академический контекст был для нас не менее значим (пускай мы и участвовали в нем исключительно в роли включенного наблюдателя), философия оказалась для нас *проблематизирована* в то самое время, когда она должна была быть *реабилитирована* (переутвер-

ждена) в своем эпистемологическом своеобразии.

Последствия этой противоречивой ситуации были самыми разными, отмечу лишь три из них: массовый уход философов в культурологию; массовое *увлечение* постмодернистскими авторами вместо их критической рецепции в более широком контексте стратегического пересмотра задач, притязаний и самих способов философской работы; а также не менее распространенное обращение к альтернативным – внеакадемическим – формам мышления. Следует обратить внимание, что во всех трех случаях существенную роль сыграла также крайняя скудность институциональных традиций по коллективному освоению и (sic!) развитию конкретных философских методологий. За исключением одной единственной ниши – под названием "методология науки" (школа Степина) – мало кто на деле реализовывал (и потому мог оценить) *эвристичность* того или иного философского подхода. Наши компетенции как правило не выходили за рамки историко-философских реконструкций. И я боюсь, что такого рода констатации рано формулировать в "прошедшем времени".

Противоречивая ситуация складывается и при обращении к такой задаче, как переустановление связей философии с жизненным миром. Реинтегрирование философии в социокультурное пространство *пост*советской Беларуси (теоретически) могло осуществляться по двум взаимосвязанным каналам: во-первых, в качестве реактуализации философии *как* элемента национального самосознания, во-вторых, через влияние философии на формирование новой политической культуры и публичной сферы в целом. Особенность нашей ситуации в этой связи заключалась, как известно, в том, что крах СССР обнажил нереализованность (если угодно, недоосуществленность) национального самоопределения в Беларуси. Частью этого исторического проседания национальной идентичности была и неартикулированность философии как элемента национального самосознания.

Таким образом, развитие философии в *пост*советской Беларуси было осложнено не только проблематизацией статуса и эпистемологической специфики философии в общеевропейском контексте, но и дополнительной *политической* задачей по концептуализации Беларуси как национального проекта. Эта задача, в отличие от глобального тренда, сама по себе не была неким противопоставлением (препятствием) по отношению к необходимости восстановления традиции идеологически неискаженного философского мышления. Однако же, в условиях преимущественно русскоязычного характера академической философии эта политическая задача неминуемо вела к своеобразной *политизации* интеллектуального пространства. Картография этого пространства складывалась в соответствии с тем напряжением/расхождением, которое возникало между различными интеллектуальными силами вследствие того, что они руководствовались разными приоритетами (национальный язык, национальная история и националь-

ное самоопределение, с одной стороны, европейская философская традиция и интегрирование в европейское академическое сообщество, с другой). В этой расстановке не было и нет правых и неправых. Полагаю, что сегодня у нас уже достаточно опыта, чтобы не просто воспроизводить эту диспозицию с той или другой стороны, а опознать негативную диалектику – если угодно, ловушку – самой этой ситуации. Ловушка заключается в том, что *политическая логика* этого противостояния предполагает *взаимное обесценивание сторон,* которое происходит без всякого осознанного намерения, то есть является скорее структурным эффектом, нежели результатом чьего-либо злого умысла.[2]

Определенную попытку выхода из этой контрпродуктивной ситуации можно усмотреть в проекте так называемого "беларускага мыслення". Если я верно понимаю основное притязание и саму суть этой идеи, то беларусское мышление – это такое мышление, при котором концептуализация Беларуси – представление Беларуси как самостоятельной "идеи" (выражаясь платоновским языком) – осуществляется не через ее прямую тематизацию, а через сам способ мышления, релевантный культурной идентичности (как бы она ни понималась) беларусского народа, особенностям его самосознания. Таким образом, найдена формула, при которой сама национальная особенность мышления уже является условием вхождения в мультикультуральное европейское пространство. Это красивый, романтический проект, о реалистичности и перспективах которого я не берусь сейчас судить. Я хотела бы ограничиться лишь тремя краткими замечаниями на этот счет, которые возвращают нас к предмету разговора – то есть к философии.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что указанный проект оставляет поле философии как науки. В этой связи (второй момент) заслуживает внимания пересечение проекта с упомянутым выше обращением к внеакадемическим формам мышления в ситуации описанной ранее многоплановой проблематизации философии. И, наконец, если известное всем нам издание "Анталёгія сучаснага беларускага мыслення" (2003) должно рассматриваться в данном случае как репрезентативное, то оно, увы, одновременно является и провалом заявленного проекта (что, разумеется, не отменяет ценности собранных там текстов, часть из которых, к слову, представляет собой переводы на беларусский язык добротных историко-философских штудий).

Форсированная глобальная экономизация всех социальных отношений, о которой говорилось в самом начале доклада и которая в последние годы приобрела особую остроту (если не сказать жесткость) в связи с финансовым кризисом, похоже,

2 Примеры унижающих высказываний в адрес друг друга, которые тоже, увы, являются частью нашей "новейшей интеллектуальной истории", в данном случае имеют вторичное значение и интересны скорее для рубрики "человеческое слишком человеческое".

представляет собой ту силу, которая в состоянии превратить в анахронизм описанную выше имманентную политизацию – поляризацию – нашего интеллектуального пространства. Это предположение имеет несколько сторон. Я остановлюсь лишь на одной. Сегодня групповые расхождения в понимании приоритетных задач для философской рефлексии теряют в значимости перед лицом более общей угрозы постепенной деградации философской культуры как таковой вследствие прекращения традиции классического (систематического) философского образования.

Руководствуясь экономическим расчетом, в ЕГУ закрыли бакалаврскую и магистерскую программы по философии, а в БГУ проводят существенное сокращение часов на философские дисциплины. Нынешняя государственная идеология, хотя и позиционирует себя как альтернатива логике рынка, является слишком плоской, чтобы найти сцепление с европейской историко-философской традицией. Это отличает ее, например, от советской идеологии, которая через идею материалистической диалектики обретала выход ко всему классическому философскому канону, который можно (и нужно!) было усваивать *с точки зрения* приближения или удаления того или иного автора по отношению к истине марксизма-ленинизма.

В западных либерально-демократических государствах, несмотря на то, что "духом времени" все больше становится утилитаризм, востребованность философской рефлексии держится на исторически засвидетельствованной органической связи демократической формы жизни и философии в европейской культуре. Учитывая все сказанное, приходится признать, что резонным будет вопрос о том, насколько и *при каких условиях* у философии в принципе есть шансы "встать на ноги" на нашей почве, если уже сама попытка культивирования философского этоса, органически чуждого нынешнему политическому режиму, приобретает характер протестного движения? Этот практический вопрос об условиях *возможности* философии я хотела бы вынести на наше общее обсуждение.

Литература

1. *Анталёгія сучаснага беларускага мыслення* (2003). Санкт-Пецярбург: Неўскі прастор.